

Из народного родника

Повесть Анатолия Иванова «Вражда» как бы конденсирует в себе силовые идейно-художественные линии всего его творчества, в основе которого глубинное постижение социально-нравственных основ жизни народной на ее историческом пути, пролегшем через весь XX век. Начиная с романа «Повитель», писатель обостренно и целеустремленно вторгался и вторгается в социальную природу человеческих отношений, чтобы именно в ней найти объяснение нравственным процессам, происходящим в жизни.

Чтобы с наибольшей силой открытия проступила корневая система явления в характере человека, писатель, как правило, в каждом произведении выбирает экстремальные ситуации, предельно сжимает мир реального до размеров деревни, райцентра, не нарушая при этом его связи со всей страной. И включает как сами собы-

тия, так и героев своих в мощный поток исторического движения судьбы народной.

При этом главное внимание художника обращено на созидательные начала в жизни, на то неистребимое Духовное богатство, которое и обеспечивает несокрушимость социального мира революции, необоримость добра как закона советского образа жизни. И это действительно так: дорогой ценой оплачено наше счастье, борьбе за него отдали свои светлые жизни прекрасные сыны и дочери страны. Рожденный в этой битве мир порушил самые корни социальной несправедливости, объявив торжество добра и справедливости. И человек, воспитанный этим обществом, вобравший в себя с молоком матери понимание законности доброты, не мог представить себе ненаказанности зла. Именно этот нравственный кодекс продиктовал мальчишке — Мишухе Афанасьеву — крайнюю меру мести тому, кто надругался над законом нашей жизни, используя беду для собственной выгоды.

Вот исходный социально-нравственный ключ к пониманию не только случившегося в высокоосный день 1944 года в сибирской деревне Романовке, чем открывается повесть «Вражда», но и всего произведения в целом.

Как и предыдущие его романы — «Тени исчезают в полдень», «Вечный зов», повесть посвящена жизни сибирской деревни в трудные военные годы. Лихо войны словно бы катализировало процессы нравственных вызваний личности. Развер-

лась затянутая буднями бездна вчерашнего дня, ушедшего вроде бы в историю, и обнажились корни классового в поведении, в поступках людей. И уже они диктовали свою волю тем, кто принял временные беды за «свой час». Так проявили себя и Григорий Бородин в «Повителе», и Устин Морозов в романе «Тени исчезают в полдень», и Федор Савельев в «Вечном зове». Так повел себя и Пилюгин в повести «Вражда», неся в себе постоянно подогреваемую матерью классовую вражду к колхозному миру, к людям, построившим социализм и вставшим на его защиту.

Само понятие «вражда» в произведениях Анатолия Иванова вообще и вынесенное в название повести в особенности заряжено классовым содержанием. Вот почему повесть о событиях местного значения воспринимается в контексте историческом. Вражда не на жизнь, а на смерть — это закон социального обновления мира революцией, которая продолжалась в битвах войны.

Вот, пожалуй, то главное, что хотел сказать своей повестью писатель, и доказательством тому является изображение жизни советского тыла. В самоотверженном труде соотечественников выявлялась нравственная высота человеческого духа, его стойкость перед лицом тячайших испытаний, которые выпали на долю тысяч таких, как Катя Афанасьева.

Образ Кати Афанасьевой органично продолжает галерею женских образов в творчестве писателя.

Нет, не сломила жизнь Катю, потому что рядом были люди, познавшие великую силу коллективизма. Среди них и секретарь райкома Дорофеев, и Андрюха, и кузнец Петрован Makeев, взявший на себя заботы о семье и удочеривший Фроську.

Собственно, о необоримости добра и счастья человеческого на земле, социально обновленной и воссозданной по законам справедливости, и написана эта повесть. Поэтому соединяют свои жизни Миша Афанасьев и Софья Пилюгина, словно подчеркивая конец вражде, и живут своим счастьем Катя и Петрован, в его лучах обязательно вызреет добрая душа их дочка Фроси. И, наконец, мысль повести о необоримости добра в нашей жизни подчеркнула заключительная картина природы, брошенная на холст кистью художника-эпика: «Каждый день вставало над землей солнце, поднималось в бескрайнее небо, щедро освещало и крохотные деревеньки и огромные каменные города. Освещало оно и печальные погосты вокруг бесчисленных селений, где люди находили свой последний и вечный приют, где навсегда утихомиривались человеческие страсти... В тополях, что были посажены вокруг кладбища Романовки, гнездились птицы, гомонили они, их птенцы. А когда умолкали птичьего голоса, деревья все равно шумели своей листвою о вечной и нескончаемой под щедрым солнцем жизни».

Бор. ЛЕОНОВ.

Сов. Кинематограф, 1982, 19. Август